

Ю.М. ОСИПОВ

Российский антикризис

Аннотация. Рассматриваются потребность и возможность российского антикризиса, переход России к полноценному, самостоятельному и развивающемуся бытию.

Ключевые слова: Россия, российский социум, российский кризис, российский антикризис, обществоведение, историософия, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the requirement and possibility of the Russian anti-crisis, transition of Russia to full, independent and developing life.

Keywords: Russia, the Russian society, the Russian crisis, Russian anti-crisis, social science, historiosophy, philosophy of economy.

Можно ли сегодня говорить о российском антикризисе — пусть еще не как о подлинной реальности, но хотя бы как о реальной уже вероятности? Если и не очень можно, то явно уже нужно, ибо страна все-таки мало-помалу отворачивается от охватившего ее с конца 1980-х гг. *апокалиптического кризиса* и шаг за шагом разворачивается в сторону пусть пока тоже еще по сути апокалиптического, но тем не менее уже *антикризиса*.

Интересное тут выходит словосочетание — *апокалиптический антикризис*, но что поделать — реальность сложнее, изобретательнее и изворотливее любых о ней человеческих представлений!

Вряд ли тут можно предложить что-то другое, менее парадоксальное и более для души приятное. Страна еще в кризисе, причем не так системном, как любят говорить в печати и на научных форумах, как именно в апокалиптическом, из которого нет не то что системного, но даже и какого-нибудь там синергетического, выхода. Чтобы выйти из апокалиптического кризиса, надо не только системно перевоплотиться, но еще и имманентно преобразоваться — духовно, идейно, культурно, нравственно, причем совершенно при этом трансцендентно, то бишь вполне и метафизически, а не только явленно-физически.

Системно Россия уже вполне переделана — за 1990 и 2000-е гг., а кризис, о котором речь, никуда не исчез. Чтобы он наверняка исчез, стране, ее народу-социуму, ее государству, ее гражданам, нужно радикально и в необходимой полноте измениться, чего как раз пока и не происходит, — все еще хватает безумия, абсурда, inferнальности.

И все-таки антикризисные потенции в российском мире уже проглядываются, хотя бы через осознание страшной в своей пошлой и дикой обыденности бездны, в которую провалилась отформированная глобалически страна, а также нарастание в людской среде потребности выбраться из этой коварной бездны, обрести достойное лицо и найти дорогу в будущее.

Установившаяся в стране пореформенная система сама по себе не так уж и кризисна — для самой себя! она попросту отвратительна — для людей, сообществ, жизни, будущего! Система не так кризисна, как... *уродлива!* И не она вовсе в кризисе, а вся страна из-за нее в кризисе — весь люд, все его деяния, хозяйство, экономика, государство, а еще больше язык, литература, искусство, культура, а в итоге — сама *жизнь!*

Страна у нас сейчас не так страна жизни, как увы... *нежизни!*

Однако жизнь и в аду... тоже ведь жизнь, пусть и в жутком своем антиобразе. Жизнь на то и жизнь, чтобы перебарывать нежизнь, если не успевает так привыкнуть к нежизни, что всюю почитает последнюю уже за саму себя — за жизнь!

Нежизнь, вообще говоря, ныне повсюду, не в одной только России, она во всем или почти во всем мире, — и везде она нахраписто наступает, превращая жизнь в нежизнь, так что ныне страшно, жутко и тревожно не в одной только России, хотя в последней, пожалуй, всего чувствительнее, но не потому, что страшнее, жутче и тревожнее, хотя это во многом и так, а потому, видно, что, в России это всего чувствительнее для сознания человеческого — всего менее, как неожиданно оказалось, оформленного и зажатого полезностной догматикой.

Россиянин сегодня, может, и самый для всего света гадкий, но зато и самый на свете... *свободный!*

Неожиданный, но факт!

Переживая апокалиптический кризис, человек-россиянин что-то с себя сбрасывает, с чем-то расстается, — и вовсе не обязательно, что сбрасывает только явно отжившее и избавляется от исключительно негативного; в то же время человек-россиянин что-то в себя вбирает, что-то в себе вырабатывает, — и тоже вовсе не обязательно, что пускает в себя и вываривает в себе лишь что-то сугубо позитивное. Так или иначе, но, проходя кругами житейского ада, человек российский меняется, в чем-то, разумеется, и не меняясь, но в любом варианте он становится *другим*, оставаясь при этом и для всего света непременно гадким.

Воцарившаяся в мире нежизнь страшна, она губит слабых и неустойчивых, соблазняет алчных и порочных, потрафляет пошлым и нечестивым, но она, будучи тяжким испытанием, невольно отбирает и формирует *людей* — носителей жизни, за которыми как раз и стоит будущее.

Нежизнь страшна более всего... своей *свободой*, которая как раз и правит свой ужасный избирательный бал: кого-то в небытие, кого-то в ниц, кого-то в кось, кого-то в нелюди, а кого-то как раз и в люди, уже вопреки нежизни, а соответственно — в *жизнь!*

Нравится это кому-то или нет, но в России уже другой россиянин, другая жизнь, как и другое будущее. Все это *другое* еще предстоит россиянам и миру осознать! Свалившаяся вдруг на россиянина свобода делает свое дело, проталкивая новую жизнь сквозь подлую нежизнь, заставляя оценить не только лукавую свободу, но и необходимую для жизни... *несвободу*, вызывая острую аллергию на нежизнь, направляя чаяния людские к жизни, ну и, что самое главное, заставляя различать зерна и плевелы — причем на всех житейских фронтах!

Нынешний россиянин вроде бы не очень-то хорош, даже весьма и плох, но... не так уж во всем он плох, а в чем-то уже и весьма... э-э... хорош! Это, безусловно, *новый россиянин* — и в сравнении с прежними представлениями о массовой России он, несомненно — *свободный россиянин*, мало того, он — *самый свободный человек в мире!*

С таким утверждением мало кто сейчас согласится, но... приведите, сомневающиеся, другой пример ныне столь же свободного человека: кто он и где он? В Европе, в США, в Китае, в Индии в Польше, на Украине, в Белоруссии, в Казахстане, в Армении, в Турции, в Бахрейне... где? Не очень-то что-то заметно: либо тихие, обструганные, зомбированные, глупые... элементики своих умных правовых, идеологических и информационных систем, либо затюканные нуждой, трудом, традицией и злостью элементики своих застывших социальных систем и текущих кризисных ситуаций.

Россияне, конечно, не самые правильные люди, за границей их часто и за людей-то не считают, но кто из «загранцев» *себя самих собой же держит*, и где? Как раз так, как *себя самого собой же держит* нынешний россиянин? Чье сознание открытее, пластичнее, разнообразнее, цветистее, неожиданнее, интереснее, а потому и... человечнее — чье?

Переживая апокалиптический кризис, Россия апокалиптически же и импровизирует, но уже не ради нежизни, которая шаг за шагом уходит в прошлое, а ради жизни, которая как раз импровизационно и отыскивается. Россия с россиянином ищет свой путь, в чем-то диктуемый и неизживаемой традицией, но в главном-то уже *иной* путь (не царский, не советский, но и не прозападный). *Новый россиянин* чаёт и *новой России!* А как, скажите, иначе, ежели кризис-то апокалиптический, а система *по-реформенная*, как раз этим кризисом и обусловленная, ни к черту не годится?

Уже идет крутая перемена, являясь более всего не умотворным деянием, а самодовлеющим самопроцессом, или, как говаривал Александр Пушкин, «ходом вещей», что то же самое — ходом истории. О какой же новой России можно сегодня говорить? Нет, никак не о софийной, да еще и в полном смысле этого слова (это еще в будущем, ежели Богу станет угодно!), а России всего лишь *пост-реформенной*, то бишь о самостоятельной и жизнеспособной России, преодолевшей в ходе своего упорного *перестроения* тормозящие, вредные и опасные негативы своего пореформенного обустройства.

Сегодняшняя пореформенная Россия слишком антироссийна и вообще слишком антимирова, чтобы ею удовлетвориться, а потому в актуальности сейчас как раз *Россия*, а вместе с нею и *мир*, разумеется, — *новая Россия* и *новый мир*, сохраняющие и созидающие жизнотворную органику и выблевывающие из себя, как и от себя отбрасывающие, все им непотребное, инородное, дрянное.

Как же отличить позитивно органическое от вредоносного? Нет, уважаемый читатель, не научно-идеологически вовсе, а всего лишь идейно-практически: мудрость не терпит бесспорных идеологий, не говоря о высокоправильной догматике, она тогда только мудрость, когда смотрит на мир и происходящее непосредственно и... свободно, что то же самое — реалистично. Никаких завиральных априорий, никаких медоточивых заклинаний, никаких заупокойных советов!

Сегодня достаточно только одного идейного ориентира: *Россия и жизнь, жизнь и Россия*, в абрисе которого главным элементом неожиданно является не жизнь вовсе, а... *Россия!*

Нужно осознать, хоть это и трудно, почти что и невозможно, что не Россия ныне зависит от жизни, а жизнь зависит от России!

Вот так!

Что, господа, и в самом деле ведь невозможно?

Но вот придется!

А что есть Россия, россиянин, еще и русский люд со своей русскостью?

Россия — особый, находящийся в этом мире, но в то же время и... неотмирный (!), мир. Это не страна, не государство, не кусок Евразии, хотя все это и свойственно России, это на самом деле *особый мир*, не подлежащий никакой воистину целостной научно-философской и даже конкретно-религиозной характеристике. Это мир очень трансцендентный и весьма, увы, апокалиптический. Нынешний кризис — всего лишь вспышка вполне уже присущей стране-пространству апокалиптики. В этом плане ничего нового, но новое, однако, все-таки есть, и состоит оно, как ни странно, в возможно уже окончательном, или хотя бы полном, выявлении неотмирной личности России, следственно, и особой ее будущности.

Россия явно не от мира сего, и недаром всю она рвется в Космос, но не как Америка, которая его покоряет, и не как Китай, который его осваивает.

Россию ничем не удивишь и ничем не напугаешь, как и уже не прельстишь и не обескуражишь. Да, внешне, быть может, Россия и дурковата, но внутри-то горит великий нравственно-умственный очаг — *софийный очаг*, дающийся не попросту умным и не попросту деловитым, а... для чего-то сначала трансцендентно предназначенным, а потом уже и имманентно умным (по-особому) и по-житейски деловитым (тоже по-особому).

На планете ныне большая война. Но не между народами, государствами, цивилизациями, как это ученым господам по преимуществу кажется, хотя и не без всего этого, конечно, — война сегодня идет, как

минимум, между мирами (Западным, к примеру, и тем же Восточным), а как максимум — между еще *человеческим миром* и уже *постчеловеческим антимиром*.

И чтобы понять это, нужно не все новые аргументы в пользу этого заключения требовать, а попросту хорошенько думать, глядя попрямее и поприспальнее на окружающую реальность, а ежели планеты окажется многовато (очень уж она большая и круглая), то можно сосредоточиться на той же современной Украине, где, как в капле воды, все четко и просматривается: *мир и антимир*, ну и война между ними, а ведь все это на Украине только в самом начале!

Апокалиптическая Россия покидает апокалиптический антимир: в этом-то как раз и выражается *российский антикризис!*

Невероятно, несбыточно, не может быть!

Да, разумеется, для любителей «праведной» статистики и «правдивых» моделей такого и в самом деле быть не может: где экономический рост, где произведенные товары, где хай-тек с «ай-тейком», где шестой технологический, где поток инноваций, где тренд всеобщего развития? Ничего, или почти ничего из *такого* в России... вроде бы... и нет! Страна засела в тупике неразвития и из него вряд ли вообще сможет когда-нибудь выйти, ибо попала туда она вовсе не случайно, а была проективно *туда* загнана, в том числе и усилиями своих испуганных реформаторов. Капиталов нет, технологий нет, кадров нет! Тихая, знаете ли, катастрофа!

Катастрофа, конечно, а что же еще, и это — факт! — вполне даже и тихая катастрофа, вкрадчивая, но при этом и тихая же, и вкрадчивая... *антикатастрофа*, ибо где и когда дно, там и тогда уже и потребность скорого подъема, а вот где вершина, там почему-то и верная возможность с нее внезапного падения. Россия на дне, но не на гнилом и безнадежном, а на весьма и упругом, как раз на том самом, от которого опустившийся на дно обычно и отталкивается.

Да, подъем российский еще не в яви, не на полном свету, но страна уже и не в глухой нави, не в вязкой inferнальной трясине. Слушайте, люди, слушайте, может, и услышите... гул... от подъема — ведь сначала всегда идет... *гул*, а потом уже приходит событие — как подъемное, так, кстати, и катастрофное.

Падение с катастрофой уже случилось, дно уверенно уже «достано», а теперь вот история гудит уже за подъем, — и никто в мире сегодня не знает, как, куда и для чего поднимается Россия, освобождаясь, пусть и не мигом, и не полностью, от глобического ига? И победивший было глобализм сейчас в жутком недоумении: как же так, почему это вдруг, с какого-такого рожна — только-только разобрались с этим СССР, с этой непотребной Россией, только напичкали ее враждебной *неРоссией*, только-только взбудрили в ней ядовитую *антиРоссию*, а она — эта самая Россия — вновь вся здесь, прямо перед западным носом: гордая и глумливая, ветренная и дерзкая, вежливая и наглая?!

Ведь в кризисе она вроде бы перманентном, в антимире по уши, в inferнальной трясине целиком, в зависимости рабской, в тотальной мерзости — и вдруг... на подъеме! пусть еще и не очень явном и никак показательно еще не оправданном, но... увы... где-то и как-то... уже... происходящем!

Э-эх, Россия, Россия — не страна, не государство, не цивилизация... что-то совсем другое, какой-то *иной* для планеты мир — и не по устройению своему, обычаям и культуре, по вере, наконец, а как раз по... неустройству, по неконструкции, по невозможной возможности, мир, в глубине, в сути и в центре которого — какая-то таинственная *русскость*, которая не схватывается, не формулируема, не определима, — в общем — сам черт не знает что это такое — *Россия!*

Когда Россия в долгом застое, она вроде бы и не кризисна, но стоит России вдруг зашевелиться, подняться, зацвести, так она непременно попадает в кризис — «кризис цветения», будто и не желает никакого устойчивого расцвета, ища чего-то другого — опять *иномирного!*

Вот и сегодня, чуть-чуть оправилась от упадка, вызванного низкопробными, если не подлейшими, реформами, как уже лезет в другой кризис — теперь уже кризис подъема, развития, обновления, ибо перейти от пореформенного образа (антиобраза) к образу постреформенному без перестроенческого кризиса никак невозможно. А переходить-то надо!

Озлобленное, глухое и тупое рычанье Запада в адрес России по поводу приема в ее лоно исторически российского Крыма, избегшего диктатуры новейшего киевского нацизма, — вернейшее подтверждение необходимости и возможности такого перехода.

Притихший было пореформенный кризис, этот кризис нежизни, прикрывшийся сидением потребляющей страны в тупике неразвития, может быть преодолен только переходным к постреформенному бытию кризисом, но уже *кризисом жизни и развития*.

Кризис вышибается кризисом!

Появится ли, наконец-то, действенная кризисно-антикризисная воля в России?

А как иначе?

По всем циклическим законам и провидческим откровениям воле этой суждено в России непременно появиться, причем как раз в это евразийско-украинско-антироссийское время. Мало кто сегодня понимает истинное значение (мистико-магическое) украинских событий. ЕвроАмерика не хочет не только сильной России (об Украине тут речи не идет), но она боится (уже не хочет, а боится) и сильной Евразии (тут уж Украина имеет кое-какое значение — не столько, конечно, как важный элемент в евразийской конструкции, сколько как великолепное взрывное антиевразийское устройство).

Если в России в 1990-е гг. разгулялся весьма антимир, но лишь разгулялся, ныне и заметно уже теснимый, то на Украине антимир по-настоящему воцарился. Украина взлелеяла внутри себя, — не очень это, быть может, и осознавая, — *абсолютное зло*, нашедшее опору и выражение в бескомпромиссном и

беспощадном делении коренного населения страны на «высших» и «низших», «правильных» и «неправильных», «своих» и «чужих», мало того — на заслуживающих быть (и господствовать) и на недостойных быть (разве лишь пребывая в рабском состоянии). Сегодня на Украине не государство, как и не та же «степная вольница», а... самое настоящее *антигосударство вкупе с антизаконом*, а это кое-что уже для текущей современности новенькое, пожалуй что, даже и относительно бывшего ранее европейского фашизма. Вот она — *антицивилизация*, порожденная Западом и Запад же вновь порочащая! Украина ныне — «черное чрево» ЕвроАмерики, Украина — подопытный для ЕвроАмерики кролик, Украина — евроамериканский антимировый полигон!

Россия — страна государственническая, мало того — властническая. Одна из тех немногих стран, а может, единственная из великих, где деньги всегда не сильнее власти, где даже идеология не сильнее власти. Деньги в России есть всегда, всегда имеются те или иные идеологии, но сильнее всего в России все-таки власть, но не потому что тверда, тотальна и жестока, хотя в излишней вежливости и любезности ее не заподозрить, а потому что... *необходима*. Только власть удерживает Россию, то подмораживая ее, то расслабляя, то резко меняя, иной раз и революционно, а вот деньги и идеологии могут лишь логично или опрометчиво раскрыть Россию, но вовсе не сохранить. Россия — *империя*, и ничем другим она быть не может! Империя в себе и для себя, вовнутрь направленная империя. И империя, как это прямо свидетельствует текущая история, вполне нужная: кто еще в мире скажет правду о мире, ежели не имперская Россия, кто защитит мир от глобального англосаксонского и пока еще регионального евротевтонского империализма, как и от местечкового, но чрезвычайно злого и яростного «украинского», а на самом-то деле всего лишь галицийско-бандеровского, фашизма. Кто?

Российская власть, будучи еще по прозванию советской, совершила в стране, называвшейся СССР, прозападный (прямо как при Петре I или при первых большевиках-интернационалистах) переворот — социохозяйственную (вполне и капиталистическую) реформу. Объективная потребность вызревала в СССР, конечно, не в олигархическом капитализме, а в свободном, но при этом и властно организованном, экономическом хозяйстве, но случилось то, что случилось: возник в основе своей присвоительно-потребительский, он же и олигархический, капитализм, включенный в глобальный капитал-империальный мир, контролируемый и управляемый западной финансовой верхушкой, т.е. возник в России глобализированный субкапитализм, быстро превратившийся в административно-олигархический.

И все было бы ничего, если б не зависимость от мировой экономико-политической закулисы, если б не угроза потери всякого суверенитета, если б не великая вероятность раствориться в западно-мировом глобализме. Да и историческая память, она же и трансцендентная историческая потенция, была тут как тут: Россия не только не переставала оставаться Россией, но и всячески о себе заявляла, мало того, явно служила опорой (с учетом сохранявшегося оборонного комплекса) опорой и вдруг объявившемуся на мировой арене российскому-де капитализму. Экономической конкурентоспособности всегда ведь бывает для экзистенции маловато — для великих, и на подмогу приходит конкурентоспособность ресурсная, военная, политическая. И почему же России не пойти ныне навстречу самой себе, укрепив власть, страну и свой мировой авторитет?

Это-то частично и произошло за 2000-е гг. Но произошло при этом и еще кое-что: вызрела настоятельная потребность в *самостоятельном бытии и развитии*. И нужен был резкий толчок, который и случился вдруг на евразийском фоне — *Украина!*

Придумать *такое* невозможно! Антироссийскость, русофобия, антиевразийскость. И все это любой ценой — унижения, обмана, лжи, предательства! При этом, конечно, еврофилия, американомания, ярый украинский шовинизм вкупе с идеологией прямого геноцида ему негодных. Но проблема тут не в Украине как таковой (да и что есть на самом-то деле Украина?), а в России, в Евразии, в надвигающихся мировых геополитических и геохозяйственных переменах. На Украине ничего в общем-то нового (богдановщина, мазеповщина, петлюровщина, бандеровщина, ну и вся современщина — от первого президента независимой до последнего, а о постмайдановском «киевском руководстве» и говорить не стоит — все властное на нынешней Украине против России, русскости, русских), просто она, Украина, во-первых, раскрылась (тайной договоренностью с Евросоюзом и тесной связью с США); во-вторых, попала в большой геостратегический оборот, о котором для себя никак уж не мечтала; в-третьих, перестает быть... собственно Украиной, так и не успев ею — Украиной — стать (та же Польша, попав в ЕС, трепещет вынужденно перед сумрачным германским ликом, но... лишь трепещет, а Украина — не Польша, кто ж Украине позволит хотя бы театрално перед кем-либо самостоятельно трепыхаться?).

Главное тут, разумеется не то, что происходит на Украине и с Украиной, а то, что происходит в мире *по поводу* Украины. Это-то как раз и более всего важно для России: маски сброшены; момент истины настал; истина, ранее усердно прикрываемая, обнажилась; все стало на свои места. Спасибо Украине, вдруг сыгравшей по простоте душевной на историческую правду — свою и чужую, еще и на российскую, русскую, евразийскую!

Когда мы говорим «Украина», то имеем в виду некий псевдогосударственный фантом, всплывший на украинском Западе и воцарившийся ныне в Киеве, но никак не собственно населяющий страну народ, состоящий из тех, кто называет себя украинцами (бывшие ранее малороссами), а также тех, кто называет себя русскими, русинами, евреями, татарами, венграми, румынами, да мало ли еще кем, ибо народ в массе своей к политике всеобщей украинизации прямого отношения не имеет, хотя, наверное, немалое число из населяющих нынешней Украины этому и всецело сочувствует. Хорошо бы нынешним жителям Украины понять, где собственно Украина со своими интересами, а где большая игра с Украиной, причем менее всего по собственно украинской надобности. Вся Украина — вовсе не Крым, даже и восточная. На том же

украинском Востоке многим из населенцев хочется в Европу — и желание это, наверное, необоримо. Так что уход Украины в Европу вполне вероятен, хотя и остается вероятным и распад Украины. Что тут победит: желание или инстинкт, договор или война, разум или безумие, покажет история, но в перспективе, конечно, никакой истинной-де Украины в ее нынешних границах уже, видно, не будет!

Однако вернемся к России. Теперь окончательно ясно, что либо Россия, не замыкаясь в себе и не отгораживаясь от мира, служит себе, внутренне консолидируясь, рассчитывая на себя и свои натуральные, идейные и интеллектуальные ресурсы, либо Россию ожидает судьба Югославии! Иного тут не дано! Россия не может не выбрать Россию — *саму себя*, — и ей придется за это постоять, для этого немало поработать и ради этого совершить вырыв к постреформенному развитию.

Как? Воля нужна, только воля, и воля властная, что не значит, что тоталитарно-репрессивная (из этого уже ничего хорошего не выйдет!), а воля энтузиазменно-конструктивная — как с Крымом!

Вся Россия теперь Крым, — и все потому, что впереди большое и самое важное воссоединение — *России с Россией*, что как раз и доказывает, что Россия не Европа (Западная Европа), не США и не Канада, как и не Китай, не Индия, не Бангладеш, ну и не Белоруссия, не Казахстан, не Украина — *Россия это Россия!* — и никогда ни с каким внешним для нее миром она не сольется!